Крыжан Анна Викторовна

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ РАБОТНИКИ ЮСТИЦИИ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В статье на основании архивных документов представлен социокультурный образ провинциального работника юстиции. Автор акцентирует внимание на том, что изменение роли органов юстиции после судебной реформы 1922 г. привело к численному увеличению их кадрового состава и снижению таких качественных показателей, как образованность и профессиональный опыт.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-1/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. I. С. 86-89. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

4. **Кодан С. В.** Проекты преобразований политико-правовой системы России М. М. Сперанского. Екатеринбург: УрАГС; УИЦ «Защита-Урал», 2003. 156 с.
5. **Кодан С. В.** Юридическая политика Российского государства в 1800-1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург: УрАГС, 2005. 324 с.
6. **Красняков Н. И.** Западные национальные регионы в системе государственного управления Российской империи в XVIII - начале XX вв.: закрепление автономистской традиции в российской государственности. Екатеринбург: УрАГС, 2009. 208 с.
7. **Лаптева Л. Е.** Региональное и местное управление в России: вторая половина XIX в. М.: Ин-т государства и права РАН, 1998. 151 с.
8. **Миллер А.** Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
9. **Мрочек-Дроздовский П.** Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года: историко-юридическое исследование. М.: Университ. тип., 1876. Ч. 1. Областное управление эпохи первого учреждения губерний: 1708-1719 г. 350 с.
10. **Нотович О. К.** Основы реформ местного и центрального управления. СПб., 1882. 236 с.
11. **Пахомов В. Г.** Федерализм в истории политико-правовой мысли России: конец XVIII - XIX вв.: в 2-х ч. М.: Союз, 2001. Ч. 1. Дооктябрьский период. 109 с.
12. **Романовский В. Е.** Государственные учреждения древней и новой России. М.: Издание И. Кнебель, 1911. 452 с.
13. **Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет**: антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. 696 с.
14. **Россия в XVIII-XX веках: страницы истории.** М.: Книжный Дом «Университет», 2000. 256 с.
15. **Шапсугов Д. Ю.** Проблемы теории и истории власти, права и государства. М.: Юрист, 2003. 688 с.
16. **Якушкин В. Е.** Государственная власть и проекты государственной реформы в России. СПб., 1906. 160 с.

RUSSIAN STATE MECHANISM IMPERIAL FUNCTIONALITY EVOLUTION (THE XVIIITH - THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURIES)

Nikolai Ivanovich Krasnyakov, Ph. D. in Law, Associate Professor
Department of State and Law Theory and History
Siberian Academy of Public Service
kofe51@yandex.ru

The article reveals the evolution of the interaction “center-region” in the structural-managerial aspect of strengthening the Russian Empire of the XVIIIth - the first half of the XIXth centuries. Special attention is paid to authorities’ attitude to the centralization and bureaucratization of management allowing just some power deconcentration on the skirts of the state.

Key words and phrases: empire; Russia; region; bureaucratization; institutionalization.

УДК 94(47).084.3.5

В статье на основании архивных документов представлен социокультурный образ провинциального работника юстиции. Автор акцентирует внимание на том, что изменение роли органов юстиции после судебной реформы 1922 г. привело к численному увеличению их кадрового состава и снижению таких качественных показателей, как образованность и профессиональный опыт.

Ключевые слова и фразы: местные органы юстиции; правозащитники; областные юридические курсы; профессиональная компетенция; аттестационные комиссии.

Анна Викторовна Крыжан, к.и.н.
Кафедра гуманитарных дисциплин
Региональный открытый социальный институт, г. Курск
kryjhan@mail.ru

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ РАБОТНИКИ ЮСТИЦИИ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ©

Одной из наиболее острых проблем первых десятилетий социалистического строительства являлся серьезный недостаток в квалифицированных кадрах. Применительно к юстиции эта проблема усугублялась тем, что юридический корпус дореволюционной России в большинстве своем враждебно воспринял новую власть.

В центральных органах юстиции работали большевики, имевшие юридическое образование: Д. И. Курский, П. И. Стучка, К. Х. Данишевский и другие. Важнейшие посты в Наркомюсте занимал известный правовед профессор М. А. Рейснер. Однако даже на «верхних этажах» вопрос об укомплектованности

© Крыжан А. В., 2011

кадрами не был решен. Еще сложнее обстояло дело с комплектованием местных органов. В настоящей статье предпринята попытка нарисовать собирательный образ провинциального работника юстиции первых послереволюционных лет.

Кадровые проблемы в области юстиции сводились к четырем аспектам.

Во-первых, большинство должностей были замещены мало подготовленными людьми. Часть из них восприняли идеалы нового режима, искренне стремились внести свою лепту в строительство нового государства. Но у них отсутствовали как необходимые знания, так и практический опыт.

Во-вторых, существовали работники, которые восприняли понятие народовластия как вседозволенность. Они откровенно пользовались служебным положением, наслаждаясь неожиданным изменением своего социального статуса. В лучшем случае это выражалось в обыкновенном карьеризме, в худшем - приводило к прямой дискредитации органов юстиции.

В-третьих, в первые месяцы большевистского режима часть дореволюционных юристов добровольно пошла на сотрудничество с новой властью. Но они считались политически неблагонадежными и по мере усиления влияния РКП(б) имели все меньше шансов на занятие значимых должностей. Кроме того, их шокировало изначальное отношение большевиков к правосудию, отмежевание от присущих русскому дореволюционному праву гуманистических начал, выразившееся, в частности, в резком неприятии института адвокатуры. Настораживало также и широкое использование не связанной никакими формами трибунальной юстиции [6].

В-четвертых, вследствие восприятия судебной системы как временной, работа в органах юстиции вообще считалась не слишком серьезным делом, и наиболее образованные и квалифицированные кадры к ней не привлекались. Это подтверждают и воспоминания работников того периода, опубликованные в «Еженедельнике Советской юстиции» [3, с. 11].

В 20-е годы органы юстиции пережили ряд реорганизаций. Вплоть до 1922 г. все местные учреждения, в том числе суды, следственные комиссии, коллегии правозащитников, нотариальные столы, пенитенциарные учреждения, находились под руководством губернского отдела юстиции, который формально входил в структуру губисполкома, но фактически являлся ведомственным органом Наркомата юстиции. В уездах функционировали уездные бюро. В октябре 1922 г. местные органы юстиции были ликвидированы. Высшей инстанцией для нарсудов стал губернский суд, вводилась должность губернского прокурора, который подчинялся прокурору республики, коллегия правозащитников руководилась президиумом, а её члены утверждались губисполкомом.

Обратимся к периоду 1918-1922 гг. Проблема нехватки кадров достаточно ясно осознавалась с момента прихода большевиков к власти. Нарком Д. И. Курский, анализируя данные НКЮ по состоянию на 15 сентября 1918 г., отмечал, что при выборе судей требования иметь избирательное право и опыт работы в пролетарских органах преобладают над требованиями профессиональной подготовки, а «профессиональные судьи составляют сравнительно ничтожный процент» [4, с. 61-62].

О низком образовательном уровне работников юстиции свидетельствуют данные анкет ответственных и канцелярских работников. Так, в 1921 г. из 12 ответственных работников Курского уездно-городского бюро только один прослушал университетский юридический курс и двое закончили гимназию. В Дмитриевском и Старооскольском уездах Курской губернии высшее образование имели по два работника, при этом в Дмитриевском уезде 22 работника из 31 имели только начальное образование. Более высоким был образовательный ценз работников Белгородского бюро юстиции: пять сотрудников имели высшее университетское образование, семь - среднее и один - домашнее [2, д. 28, л. 20-28].

Данные, собранные Курским губотделом по запросу Наркомата юстиции от 14 июля 1920 г., позволяют заключить, что в следственных комиссиях работало в полтора раза больше сотрудников с высшим образованием, чем в судах. Это объяснялось тем, что народные судьи, согласно Положению о народном суде РСФСР, выбирались из числа лиц, удовлетворявших хотя бы одному из условий: «иметь политический опыт работы в пролетарских организациях» или «иметь теоретическую и практическую подготовку для должности советского судьи». Что касается членов следственных комиссий, то они обязаны были «иметь теоретическую и практическую подготовку для должности советских следователей» [5, с. 99].

Коллегия защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе была более укомплектована образованными сотрудниками - университетское образование имели 40% её членов.

В общем, доля работников курской юстиции, имевших высшее и среднее образование, в 1920 г. составляла 56% [2, д. 6, л. 112-120]. По современным меркам подобное качество кадрового состава можно, без сомнения, оценить как неудовлетворительное. Однако, учитывая реалии исторической эпохи, можно утверждать, что при определенных условиях нормальное функционирование этих учреждений было возможно.

Помимо низкого образовательного уровня, несомненным является факт недостаточной профессиональной компетентности работников. У судей она была настолько велика, что, несмотря на нехватку кадров, губернские отделы юстиции вынуждены были отзывать от занимаемой должности судей, «которые не в состоянии по малоразвитости и неподготовленности самостоятельно писать приговоры и решения» [Там же, д. 38, л. 39]. Едва ли большими профессиональными навыками обладали народные следователи. Например, постановления следственных комиссий по уголовным делам пестрят формулировками о прекращении дел об убийствах «вследствие необнаружения виновного» [Там же, д. 3, л. 5].

Пожалуй, самой сложной кадровой проблемой было отсутствие квалифицированных обвинителей и защитников. К началу 1921 г. в Курской губернии было 28 правозащитников. Университетское юридическое образование имели 15 работников, среднее образование - 10, начальное - один, образовательный уровень двоих в документах не указан. В дореволюционных судебных учреждениях работали 15 человек. Среди членов коллегии не было ни одной женщины, ни одного коммуниста [Там же, д. 20, л. 2-16].

Как видим, в коллегии защитников и обвинителей был высок процент работников дореволюционной юстиции - 58%. Их знания и опыт способствовали повышению качества работы всех органов местной советской юстиции. Эти учреждения были немногочисленны, работники знали друг друга лично и в повседневной практике, конечно, общались на профессиональные темы. В результате происходила своеобразная диффузия знаний и опыта. Работа в советских органах юстиции старых кадров имела еще одно последствие. Специфика исследуемой сферы заключается в том, что её работники в профессиональной повседневности опираются на теоретические знания в области законодательства и процессуальных норм. Такие знания формируют у личности определенную совокупность взглядов и отношений, которую можно охарактеризовать как правовую культуру. Соприкасаясь с безграмотностью и некомпетентностью, она, на наш взгляд, породила своеобразное явление: бывшие крестьяне и рабочие стали буквально воспринимать понятие «правоохранительная деятельность». Надзорные функции ещё более усиливали рвение работников юстиции в пресечении нарушений правопорядка со стороны любых органов и лиц. Наибольшее количество подобных нарушений наблюдалось в исполкомах, партийных комитетах и чрезвычайных органах. В результате парадоксальные конфликтные столкновения работников местных органов юстиции с вышеперечисленными органами в 1918-1922 гг. были явлением не столь уж редким.

Подводя итог характеристике первого периода формирования советской юстиции, попробуем описать среднестатистического работника этой сферы. Это был мужчина в возрасте 36,5 лет, беспартийный, имевший среднее или начальное образование и незначительный опыт работы в дореволюционной судебной системе в качестве делопроизводителя, помощника мирового судьи или присяжного поверенного [Там же, д. 28, л. 22].

Начиная с 1922 г. сфера юстиции уже не воспринималась как временная, перестала связываться только лишь с возможным проявлением девиантного поведения, её социальные функции стали пониматься гораздо шире. Так, на государственных предприятиях и в учреждениях появилась должность юрисконсульта, которая, к слову сказать, оплачивалась намного выше, чем работа нарсудьи или следователя.

Прекращение Гражданской войны и изменение отношения к юстиции заставили власть предпринять конкретные шаги к повышению профессионального и образовательного уровня работников этой сферы. Начиная с 1923 г. организуются областные юридические курсы. Слушатели курсов должны были иметь не менее года служебного стажа в должности нарсудьи или следователя. От них требовалось: «а) общее и политическое развитие, знание основных понятий о марксизме и коммунизме; б) умение грамотно и в литературной форме излагать свои мысли; в) умение решать задачи и производить вычисления на все действия с целыми числами, знакомство с простейшими дробями». Курсанты обеспечивались общежитием и питанием, за ними сохранялась зарплата. Поскольку курсы длились год, то приехавшие с курсантами семьи обеспечивались пособием до 25 товарных рублей в год [1, д. 362, л. 171].

Интересна учебная программа юридических курсов, которая включала следующие дисциплины: история ВКП(б) и основы ленинизма (16 ч.), исторический материализм (16 ч.), основы политэкономии (18 ч.), общая теория права и государства, Конституции СССР и РСФСР (18 ч.), гражданское право (46 ч.), уголовное право (38 ч.), карательная политика и исправительно-трудовой кодекс (8 ч.), уголовный процесс (16 ч.), гражданский процесс (20 ч.), земельное право (16 ч.), трудовое право (12 ч.), семейное право (8 ч.), судоустройство (6 ч.), судебная медицина (6 ч.), нотариат, Положение о векселях и Гербовый устав (16 ч.), НОТ в нарсудах (2 ч.).

Занятия велись лабораторно-семинарским методом. Слушатели до занятия получали задания с указанием материала для проработки. «Для отсталых применялся метод конспектов… Занятия велись в течение 8 часов: по 4 часа утром и вечером. Продолжительность занятий курсов была 50 учебных дней, а всего 400 учебных часов, из них 136 часов практических занятий». Обращает на себя внимание то, что идеологическим дисциплинам отводилось 50 часов из 262, то есть всего 19%, при этом не будем забывать, что для той общественной системы эти предметы являлись философской основой [Там же, д. 1112, л. 49-50].

Начиная с 1924 г. при губернских судах образовывались экспертные комиссии, которые должны были экзаменовать кандидатов в народные судьи, имеющих стаж работы в органах юстиции менее 3-х лет. Но юридические курсы и экзаменационные комиссии могли лишь частично исправить ситуацию. Курсы финансировались из местных бюджетов, возможности которых были ограничены, а экзаменационные комиссии просто физически не могли проэкзаменовать всех претендентов. Так, в 1924 г. в Курской губернии в нарсудьи были выдвинуты 103 человека. Стаж работы более 3-х лет имели 16 претендентов. Из оставшихся 87 человек только 25 выдержали экзамен в губсуде [Там же, д. 423, л. 14-17]. В первой четверти 1926 г. через комиссию прошло 23 кандидата, из которых только 14 выдержали экзамен [Там же, д. 1112, л. 10].

Ситуацию несколько выправлял энтузиазм работников. А. Н. Сахаров отмечал, что «миллионные массы вошли в революцию в середине 20-х годов: поднялись к новой жизни глухие углы, забурлила каждая деревня, каждая фабрика… в революцию вошел обыватель» [7, с. 41]. О революционном пафосе, характеризующем отношение к обучению на курсах, свидетельствуют письма в губисполком, в которых курсанты, имевшие часто большие семьи и ничтожный заработок, просили урегулировать вопрос «о выдаче причитающихся

нам содержаний на обеспечение наших семей за время пребывания нашего на курсах» [1, д. 571, л. 155]. Местные исполкомы часто не выплачивали пособий не только семьям, но и самим курсантам, но вопрос об освобождении от учебы вообще не поднимался.

Положение в обеспечении местных учреждений юстиции подготовленными кадрами менялось крайне медленно. Из-за роста численности работников изменения происходили не в лучшую сторону. Ситуацию «ухудшало» нарастающее влияние РКП(б). В отчете о работе Курского губсуда за первое полугодие 1926 г. прямо указано, что «руководящая роль в судорганах принадлежит членам ВКП(б)… Беспартийные товарищи работают на менее ответственных должностях, и наибольший процент беспартийных приходится: на запасных судей Губсуда - 60%, старших следователей - 71,4%, нарследователей - 55,6%, нотариусов - 93,7%. Объясняется это тем, что эти должности требуют специальной подготовки и среди партийных товарищей нет достаточного числа лиц, обладающих специальными знаниями» [Там же, д. 1112, л. 4].

В Курской губернии в 1926 г. в результате почти троекратного увеличения численности наличного состава работники юстиции, имевшие высшее и среднее образование, составляли лишь 27%, что в два раза ниже данного показателя в 1920 г. (56%). Если в 1920 г. дореволюционный стаж имели 46% служащих, то теперь их доля сократилась до 7%. Таким образом, портрет провинциального работника юстиции выглядит уже следующим образом: мужчина с начальным образованием, имеющий крайне малый опыт работы в судебных органах или вообще не имеющий такового. Если говорить о партийной принадлежности моделируемого работника, то теперь у него было больше вероятности являться членом РКП(б), так как среди следователей и судей было более 70% коммунистов по сравнению с предыдущими 19%.

Здесь уместно вспомнить, что наиболее сложной проблемой на предыдущем этапе было отсутствие квалифицированных защитников. В середине 1926 г. в Курской губернии работало 126 защитников (по сравнению с 26 в 1921 г.), из них 60 с высшим образованием, 40 - со средним и 28 - с низшим [Там же, л. 217]. Если в 1921 г. в курских юридических консультациях работало 89% защитников с высшим и средним образованием, то теперь этот показатель сократился до 78%.

Таким образом, мы наблюдаем следующую ситуацию. Переход к мирному строительству привел к осознанию того, что учреждения юстиции в процессе повседневной работы призваны осуществить весьма важную роль охраны социалистической законости. Однако в реальной практике наблюдалось значительное снижение таких качественных показателей, как образованность и профессиональный опыт. В результате нарушения и злоупотребления служебным положением со стороны работников юстиции стали обыденным явлением, усиливая недоверие граждан к судебно-следственным органам. Во второй половине 20-х годов понятие «революционная законность» все больше теряло романтическую окраску первых лет революции. Революционные процессы постепенно утрачивали остроту, строительство нового общества переходило в разряд повседневности. Власть стала воспринимать органы юстиции как удобное средство поддержания своего социального господства, они должны были олицетворять идеалы гуманности, демократизма и законности в условиях государства, которое игнорировало интересы личности. Для выполнения такой миссии нужен был прочный сплав коммунистической идеи и развитых навыков манипулирования правовыми нормами, которые присущи только специалистам. Распространение партийного влияния на органы юстиции к концу 20-х годов было осуществлено достаточно успешно, однако задача подготовки квалифицированных кадров казалась далекой от разрешения.

Список литературы

1. **Государственный архив Курской области** (ГАКО). Ф. Р-325. Оп. 1.
2. **Там же.** Ф. Р-451. Оп. 1.
3. **Еженедельник Советской юстиции.** 1922. № 46-47. С. 10-13.
4. **Курский Д. И.** Избранные статьи и речи. М.: Госюриздат, 1958. 330 с.
5. **Положение о Народном суде РСФСР** // Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 97-100.
6. **Право Советской России**: сборник статей. Прага: Пламя, 1925. 395 с.
7. **Сахаров А. Н.** 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 40-69.

PROVINCIAL LAWYERS OF THE FIRST DECADE OF SOVIET RULE

Anna Viktorovna Kryzhan, Ph. D. in History
Department of Classical Disciplines
Regional Open Social Institute in Kursk
kryjhan@mail.ru

In the article the social-cultural image of a provincial lawyer is presented on the basis of archival documents. The author pays special attention to the fact that the change of institutions of justice role after the judicial reform of 1922 lead to the numerical increase of their cadre and to the decrease of such qualitative rates as scholarship and professional experience.

Key words and phrases: local institutions of justice; human rights advocates; regional juridical courses; professional competence; certification commissions.